

Инна Бронская
Влада Шелест

Случайное

ЭКО

ДЛЯ ГЕНЕРАЛА

Инна Вронская

Случайное ЭКО для Генерала

«Автор»

2026

Вронская И.

Случайное ЭКО для Генерала / И. Вронская — «Автор», 2026

Дверь приоткрыта. На месте, где должна была быть колыбелька сына, Игорь и Светлана. Мой муж и мой эмбриолог.— Арина, послушай, — начинает муж, застегивая ширинку,. – Давно надо было тебе сказать— А знаешь что, Ариночка, — наглая любовница нарочно коверкает моё имя сладким голоском, — хочешь правду? Этот ребёнок, которого ты так носишь, с которым ты тут обои выбираешь — не от Игоря.— Что ты несёшь?— Материал подменили, — она улыбается, и от этой улыбки у меня темнеет в глазах. — В тот же день, в клинике. Чей подсадили — уже не моё дело, я своё дело сделала. Но точно не его. Прошло три года. Я ушла от мужа в тот же день. Тимофеюшка, мой сын, родился самым замечательным ребенком на свете. Мы жили спокойно, я открыла свою мастерскую флористики, пока однажды на пороге нашего дома не появился он. ГЕНЕРАЛ.- Я пришёл забрать своего сына. – говорит мужчина в погонах командным голосом - А еще, я хочу знать, как ты украла мой биоматериал?

© Вронская И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Инна Вронская

Случайное ЭКО для Генерала

Глава 1

— Ваш эмбриончик такой красивый, очень сильный парень! ПГД исследование показало, что это мальчик, и он сейчас пойдёт к мамочке в гнёздышко! — говорит врач-репродуктолог, и я чувствую, как пол уходит у меня из-под ног.

Мальчик.

У меня будет сын.

Я сжимаю руку Игоря так крепко, что белеют костяшки пальцев, и поворачиваюсь к нему — хочу увидеть в его глазах ту же радость, что разрывает меня изнутри. Но он смотрит куда-то в сторону, мимо меня, мимо врача, мимо этой тесной комнаты, где решается моя судьба.

— Игорь, — шепчу я. — Ты слышал? Сын.

— Слышал, — отвечает он ровно, без единой нотки восторга. — Это хорошо.

Хорошо. Будто я спросила его про прогноз погоды на завтра.

Три года. Три года я хожу по этим коридорам, глотаю гормоны, считаю дни цикла, плачу в подушку каждый раз, когда на тесте — одна полоска вместо двух. Три года я молюсь, чтобы хоть раз услышать то, что слышу сейчас. А он стоит рядом, как памятник самому себе, и в его лице — ничего. Пустота.

— Не нервничайте так, голубушка, — врач, женщина в годах, с добрыми морщинками у глаз, кладёт ладонь мне на плечо. — Подсадка пройдёт легко, вы даже не почувствуете. Готовьтесь, через десять минут начинаем.

Я киваю и иду по коридору, всё ещё держа в груди эту невозможную, оглушительную радость пополам с холодом, который мне сейчас не с кем разделить.

У дверей лаборатории я останавливаюсь — мимо проходит женщина в белом халате, миниатюрная, с идеально уложенными светлыми волосами. Светлана. Эмбриолог, которая ведёт наш протокол вот уже полгода. Меня она будто не замечает — взгляд скользит мимо, как сквозь пустое место, зато на Игоря смотрит слишком долго, слишком внимательно для случайной коллеги.

— Игорь Викторович, — произносит она вкрадчиво, почти не разжимая губ. — Можно вас на минуту? По документам.

— Да, конечно, — он коротко кивает мне, как будто извиняясь, что не предложил подождать. — Я сейчас.

Я смотрю им вслед. Что-то царапает внутри — неясное, необъяснимое чувство, которому я ещё не нахожу названия. Слишком близко она стоит к нему. Слишком знакомо звучит её голос, обращённый к моему мужу.

— Тебе показалось, — говорю я вслух, разворачиваясь к комнате для переодевания. — Сегодня не тот день, чтобы выдумывать себе проблемы, Арина. Сегодня твой сын идёт к тебе.

Я переодеваюсь в одноразовый халат, ложусь на кушетку, считаю плитки на потолке, пока медсестра ищет вену. Игорь так и не вернулся. Когда меня везут в процедурную, я цепляюсь взглядом за дверь — вдруг он успеет, вдруг хотя бы сейчас будет рядом. Дверь закрывается. Его нет.

— Не переживайте, — улыбается мне анестезиолог. — Папы редко выдерживают этот момент, такими впечатлительными бывают, вы не представляете.

Я улыбаюсь в ответ, хотя внутри — ледяная игла, которая входит глубже любого катетера. Не впечатлительность. Я знаю своего мужа три года и впервые не могу понять, что в его глазах было утром — не страх и не радость. Что-то похожее на облегчение. Облегчение от чего?

Процедура занимает несколько минут. Лёгкая, безболезненная, как и обещали. Когда я снова открываю глаза, в груди уже бьётся не игла, а тёплое, оглушительное чувство — внутри меня теперь живёт кто-то ещё. Маленький. Мой.

Я выхожу из процедурного кабинета на ватных ногах — лёгкое головокружение после наркоза, в груди тепло пополам со страхом. Получилось. Я чувствую — получилось.

Сворачиваю за угол, ищу взглядом скамейку, чтобы присесть, и в этот момент с разгону врезаюсь в кого-то — крепкого, высокого, в безупречно отглаженной рубашке, пахнущего смесью одеколона и больничного антисептика.

— Простите, — выдыхаю я, хватаясь за стену.

— Смотрите, куда идёте, — голос у него низкий, командный, без тени извинения в ответ.

Я поднимаю глаза. Передо мной мужчина лет сорока пяти, с резкими чертами лица, седина на висках, взгляд — будто рентген, который сканирует меня насквозь и тут же теряет интерес.

— Вообще-то это вы налетели на меня, — я не привыкла, чтобы со мной говорили в таком тоне, даже сейчас, с трясущимися от слабости ногами. — Может, стоит сбавить шаг в больничном коридоре?

— Может, стоит смотреть по сторонам, а не витать в облаках, — отрезает он, переключая папку под мышкой. — У некоторых здесь действительно важные дела, а не прогулки.

— У меня тоже не прогулка, — голос мой звенит, в горле комок из обиды, усталости трёх лет и непрошенной грубости незнакомца разом. — У меня сегодня, может быть, самый важный день в жизни.

Он на секунду замирает. Смотрит на меня внимательнее — не как на досадную помеху, а как на человека. Что-то мелькает в его взгляде — не извинение, но и не прежнее раздражение.

— Тогда тем более стоит быть осторожнее, — говорит он уже тише, и это почти звучит как уступка. — Не каждый день можно себе позволить столкновения.

— Спасибо за заботу, — бросаю я с холодным сарказмом, обходя его. — Обойдусь как-нибудь сама.

— Не сомневаюсь, — доносится мне вслед, и в его голосе — едва уловимая, почти невидимая усмешка.

Я не оборачиваюсь. Иду дальше по коридору, туда, где должен ждать меня Игорь — должен сидеть, волноваться, считать минуты до того, как мы официально станем родителями.

Но стул рядом с тем местом, где я его оставила, пуст.

Я опускаюсь на него одна, прижимаю ладонь к животу, туда, где сейчас, возможно, уже бьётся крошечное сердце моего сына, и шепчу в пустоту коридора:

— Ничего. Мы справимся. Ты и я.

Я ещё не знаю, что справляться придётся раньше и тяжелее, чем я могу себе представить...

Глава 2

— Две полоски... не верю... их две! — шепчу я, и руки трясутся так, что тест едва не падает в раковину.

Я смотрю на эту маленькую пластиковую полоску ещё раз, ещё, как будто вторая линия может раствориться, если моргнуть слишком резко. Не растворяется. Стоит, ровная, чёткая, настоящая.

— Получилось, — говорю я своему отражению в зеркале, и по щекам уже текут слёзы, тёплые, счастливые. — Получилось, малыш. Ты есть.

Я хватаю телефон, пальцы дрожат так, что не сразу попадаю по нужной кнопке. Игорь снимает не сразу — три гудка, четыре.

— Да, — голос у него усталый, далёкий, будто из другого мира.

— Игорь, — я задыхаюсь от собственного счастья, — Игорь, тест положительный! Две полоски!

Пауза. Долгая. Слишком долгая для новости, которую мы ждали три года.

— Точно? — спрашивает он наконец, и в голосе ни капли того восторга, которого я жду.

— Точно! Я уже три раза переделала, представляешь?

— Хорошо, — говорит он. — Я сегодня поздно, у меня встреча с инвесторами. Поговорим вечером.

Гудки.

Я стою посреди кухни с телефоном в руке и впервые за этот невозможный, счастливый день чувствую, как в груди появляется маленькая, острая трещина.

Вечером я жду его с ужином, со свечами, с глупой детской радостью, которую хочется разделить хоть с кем-то живым. Он приходит за полночь, пахнет чужими сигаретами, хотя сам не курит.

— Игорь, — я подхожу к нему, обнимаю за шею, тянусь поцеловать. — Я так счастлива. Ты представляешь, у нас будет ребёнок.

Он отстраняется. Резко, почти грубо.

— Не сейчас, — говорит он, отворачиваясь. — Ты беременна, Арина. Тебе сейчас вредны все эти... эмоции.

— Эмоции? — я смотрю на него и не узнаю. — Игорь, это же радость. Это наш ребёнок.

— Вот именно, — он снимает пиджак, вешает на спинку стула, не глядя на меня. — Поэтому тебе нужен покой. Меньше нервов. Я читал, это вредно для плода.

Он говорит это так ровно, так разумно, что я почти верю. Почти. Если бы не глаза — пустые, отстранённые, смотрящие сквозь меня, как через стекло.

Следующие недели он задерживается каждый день. То совещание, то инвесторы, то срочный звонок из министерства. Я звоню в офис — секретарша смущённо мнётся, говорит, что Игорь Викторович уехал ещё днём. Я говорю себе: показалось. Я говорю себе: он просто устал, у него ответственность, скоро выборы, у него стресс. Я говорю себе очень много вещей, лишь бы не слышать ту маленькую, ледяную мысль, которая царапается где-то в глубине: что-то не так.

В четверг я ухожу с примерки обоев раньше — нашла наконец тот самый, нежно-голубой с облаками, который мечтала повесить в детской. Хочу удивить Игоря, показать ему рулон прямо сегодня, услышать хоть слово тепла.

Я открываю дверь своим ключом, тихо, чтобы не спугнуть момент.

И слышу голоса. Из детской.

Сердце ухает вниз ещё до того, как я понимаю, что именно слышу.

Дверь приоткрыта. Я толкаю её рукой — медленно, как во сне, который не можешь остановить.

Игорь и Светлана.

Здесь. В комнате, где должна была стоять кровать моего сына.

— За что... — голос отказывает мне на середине слова.

Светлана отстраняется первой. Одергивает юбку и трусики. Без капли стыда. Еще и смотрит на меня с холодным, почти весёлым презрением.

— О, — тянет она. — А вот и мамочка пришла.

— Игорь, — шепчу я, и собственный голос кажется мне чужим. — Как ты мог...она же мой врач и...

— Арина, послушай, — начинает он, застегивая ширинку, но Светлана перебивает, делает шаг вперёд, и в её глазах — не страх, а торжество. — Давно надо было тебе сказать...

— А знаешь что, Ариночка, — она нарочно коверкает моё имя сладким голоском, — хочешь правду? Этот ребёнок, которого ты так носишь, с которым ты тут обои выбираешь — не от Игоря.

— Что ты несёшь, — выдыхаю я, прижимая руку к животу, будто могу заслонить его от этих слов.

— Материал подменили, — она улыбается, и от этой улыбки у меня темнеет в глазах. — В тот же день, в клинике. Чей подсадили — уже не моё дело, я своё дело сделала. Но точно не его.

Тишина обрушивается на меня, как потолок.

— Игорь, — я поворачиваюсь к нему, ищу хоть что-то — отрицание, ярость, что угодно. — Скажи, что это неправда.

И тогда происходит то, чего я не ожидаю меньше всего.

Он не оправдывается. Он не злится на Светлану. Он смотрит на меня — и в его взгляде облегчение. Настоящее, неприкрытое облегчение.

— Вот видишь, — говорит он тихо, почти спокойно. — Получается, ты сама виновата, что не уследила. А может и вовсе, в чужую койку прыгала?

— Я? — кричу я, и голос срывается. — Я виновата?! Ты мне изменял! Ты привёл её в дом, в детскую!

— А ты носишь чужого ребёнка, — отрезает он, и в этих словах — ни капли вины, только холодный расчёт человека, нашедшего идеальный повод. — Так что не надо мне тут разыгрывать оскорблённую жену, Арина. Собирай вещи. Заявление на развод уже в суде. Скажу что нагуляла этого ребенка, надо будет, ДНК все подтвердит. Только опозоришься как гулящая девка в суде.

— Три года, — говорю я, и голос мой звучит откуда-то издалека, будто не мой вовсе. — Три года я колола себе гормоны. Плакала над каждым отрицательным тестом. А ты всё это время... с ней?

— С ней мне, по крайней мере, не нужно изображать чувства, которых нет, — пожимает плечами Игорь, и от этой лёгкости, с которой он произносит приговор моему браку, моей жизни, мне хочется кричать.

Светлана подходит ближе, поправляет смятую блузку, и в её голосе — нескрываемое торжество победительницы.

— Не строй из себя жертву, Ариночка, — цедит она. — Три года ты была удобной. Тихой. Покорной. А мужикам надоедает покорность. Я дала ему то, чего не смогла дать ты.

— Заткнись, — шепчу я, и это всё, на что меня хватает.

— А что, неприятно слышать правду? — она склоняет голову набок, разглядывает меня, как энтомолог разглядывает раздавленное насекомое. — Привыкай. Теперь у тебя будет много времени подумать, кто на самом деле отец твоего ребёнка. Я бы на твоём месте начала

молиться, чтобы это оказался хотя бы приличный человек, а не первый встречный из коридора клиники.

— Ты не можешь так со мной поступить, — говорю я, поворачиваясь к Игорю, ища в нём хоть что-то от мужчины, за которого выходила замуж три года назад. — Это твой дом. Это была наша семья.

— Была, — кивает он, и в этом коротком слове — вся беспощадность приговора. — Теперь забирай свои вещи и уходи. И ребёнка с собой заberi — он в любом случае не мой.

Я стою посреди комнаты, которую готовила для сына, среди коробок с игрушками и рулона голубых обоев, который так и не донесла до коробки, и впервые в жизни не нахожу ни единого слова.

— Хорошо, — говорю я тихо, и сама удивляюсь, откуда берётся этот холодный, ровный голос. — Я уйду. Но запомни этот день, Игорь. Запомни, как ты выгнал беременную жену из дома ради женщины, которая предаст тебя так же легко, как предала вместе с тобой меня.

Я разворачиваюсь и иду к выходу, мимо разорванной упаковки с голубыми обоями, мимо коробки с плюшевым медвежонком, который так и не успеет встретить своего хозяина в этом доме.

Только в груди — ровный, оглушительный звон разбитого вдребезги стекла.

В машине я долго не могу вставить ключ зажигания — руки трясутся так, что металл выскальзывает из пальцев. Сажусь, упираюсь лбом в руль и наконец позволяю себе закричать — без слов, без слёз, просто звук, идущий откуда-то из самой глубины, где минуту назад умерла моя прежняя жизнь. Потом затихаю, прижимаю обе ладони к животу и шепчу в пустоту салона:

— Кем бы ни была твой папа, малыш... теперь у тебя есть только я.

Глава 3

Три года я учусь жить заново, и сегодня впервые ловлю себя на мысли, что у меня почти получилось.

— Мам, смотри, какой я цветок сделал! — Тимофей протягивает мне мятый бумажный тюльпан, неровный, перекошенный, самый красивый из всех, что я видела за свою жизнь.

— Это шедевр, — говорю я серьёзно, целую его в макушку, пахнущую тёплым молоком и детским шампунем. — Поставлю на самое видное место в мастерской.

Моя мастерская — три года назад это слово казалось мне насмешкой, мечтой без шанса на реализацию. Сейчас на вывеске у входа значится «Цветы и десерты Арины», и заказов с каждым месяцем больше, чем рук, чтобы их выполнить. Я подняла себя сама, по кирпичику, без чьей-либо помощи.

Сегодня — особый заказ. Благотворительный приём в одном из лучших залов города. Я расставляю последние композиции из белых роз, когда у меня за спиной раздаётся низкий, командный голос.

— Это что должно символизировать? Похороны? — незнакомец стоит у моего стола, разглядывает розы так, будто принимает парад, и в его тоне столько холодного превосходства, что у меня внутри всё закипает.

Я оборачиваюсь — и сердце спотыкается. Тот самый мужчина из коридора клиники. Только теперь в безупречном костюме, с генеральскими погонами на плечах.

— Это символизирует вкус, — отвечаю я, не отступая ни на шаг, хотя руки слегка дрожат. — Видимо, вам он непривычен.

— Дерзите, — он почти улыбается, но это не улыбка, а оскал хищника, заметившего добычу поинтереснее. — В моём окружении это не приветствуется.

— Тогда вам повезло, — парирую я, — что я не в вашем окружении. Я просто расставляю цветы, и за дерзость отдельной строкой в счёте не плачу.

— А зря, — он скрещивает руки на груди, разглядывает меня так пристально, что хочется отступить, но я не отступаю. — С таким тоном можно неплохо зарабатывать.

— Я зарабатываю... талантом, а не языком, — отрезаю я. — В отличие от некоторых, кто привык платить за всё, включая вежливость окружающих.

Он замирает на секунду — кажется, никто давно не позволял себе говорить с ним в подобном тоне, и это явно застаёт его врасплох сильнее, чем он готов показать.

— Вам к лицу, — наконец произносит он, наклоняясь к композиции, тянется к одной из роз — той самой, единственной с лёгким, едва заметным изломом на стебле, которую я только что хотела поправить. — Ваша дерзость и наивность.

Наши пальцы встречаются на одном цветке одновременно. На долю секунды — не отдёргиваем рук. Тепло его ладони обжигает мне кожу резче, чем должно бы обжигать случайное прикосновение незнакомца.

— Эта роза моя, — говорю я тише, чем хотела бы, и голос предательски срывается на середине фразы.

— Здесь всё на сегодняшний вечер моё, — отвечает он, не отпуская розу, глядя при этом не на цветок, а на меня. — Я оплатил банкет.

— Нет, — я наконец выдёргиваю розу из его пальцев резким движением, шип царапает мне ладонь, но я не подаю виду. — У вас нет права трогать чужую незавершённую работу.

Он смотрит на царапину у меня на руке — на секунду в его взгляде мелькает что-то похожее на сожаление, тут же спрятанное за прежней холодностью.

— Как вас зовут? — спрашивает он внезапно, требовательно, будто имеет на этот вопрос полное право.

— Это имеет значение? — огрызаюсь я, прижимая ладонь к груди.

— Имеет, — отрезает он. — Я не люблю оставлять долги. А вам сегодня досталось от меня незаслуженно.

— Арина, — выдавливаю я наконец, сама не понимая, зачем отвечаю.

— Дмитрий Андреевич, машина подана, — окликает его кто-то из свиты, и он, бросив на меня последний, нечитаемый взгляд, разворачивается и уходит, не оглянувшись.

Я выдыхаю только когда он растворяется в толпе смокингов. Ладонь, которую оцарапал шип, до сих пор горит — то ли от боли, то ли от того прикосновения, которое я никак не могу выкинуть из головы.

Будний вечер, обычный до зевоты. Я кручусь у плиты, Тимофей возит машинку по полу гостиной и звонко комментирует каждый манёвр.

— Мам, а закажем пиццу? — он подбегает, повисает у меня на руке. — Ну пожалуйста!

— Тимош, я готовлю ужин, — смеюсь я, вытирая руки о полотенце.

— А вдруг это уже пицца сама приехала! — он выдумывает на ходу, глаза горят азартом.

В этот момент раздаётся звонок в дверь — резкий, требовательный. Тимофей взвизгивает от восторга.

— Пицца! Я открою!

— Тимош, подожди! — кричу я, но он уже несётся к двери на своих быстрых трёхлетних ногах, и я едва успеваю за ним.

Он распахивает дверь, задрав голову, готовый увидеть курьера с коробкой.

— А где пицца, дядя? — спрашивает он растерянно.

Я выхожу следом — и весь мир вокруг меня застывает.

На пороге стоит он. Дмитрий Андреевич. Без свиты, без коробки с пищей, в простой тёмной куртке, с лицом человека, который не спал несколько ночей подряд.

Он не смотрит на меня. Он смотрит вниз, на Тимофея — и я вижу, как меняется его лицо. Как с него сходят генеральская выправка и холодное превосходство, и остаётся только потрясение, голое, незащитное.

Липкое холодное чувство пронзает мою кожу. Я пытаюсь понять и понимаю...когда смотрю на знакомый разлет бровей, родинку на щеке и щербинку между зубами.

Нет, нет, нет!

— Тимоша, иди в комнату, мама сейчас придёт, — говорю я неестественно ровным голосом, разворачивая сына за плечи, подталкивая в сторону детской.

— А дядя кто? — успевает спросить он, оглядываясь.

— Иди, малыш, — почти умоляю я, и он, что-то проворчав про несостоявшуюся пиццу, всё-таки уходит вглубь квартиры.

Я закрываю дверь его комнаты и поворачиваюсь к мужчине на пороге — у меня внутри всё обрывается, я уже знаю, что он сейчас скажет, ещё до того, как он открывает рот.

— Что вам нужно? — пытаюсь сказать я грозно, — Если Вам не понравилось оформление я верну Вам всю сумму.

Лицо генерала непроницаемо.

— Деньги не причем, Арина. Я пришёл забрать своего сына, — говорит он тихо, и в этой тишине звучит больше угрозы, чем в любом крике. — А еще, я хочу знать, как ты украла мой биоматериал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.